

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.35775/PSI.2024.110.10.005

УДК 32

К.В. СТЕПАНОВ

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону
E-mail: kstepanov@sfedu.ru

НЕГАТИВНО-ДЕВИАНТНЫЕ И ПОЗИТИВНО-ДЕВИАНТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ЭПИФЕНОМЕНЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье проблематизирован концепт «элита» в контексте парадигмы «макиавеллизма» и «морального поворота в политике», понятий негативных и позитивных девиаций. Обосновано, что, с одной стороны, в условиях трансформации общества, своеобразных точках турбулентности и бифуркации активизируются процессы девиации основных социально-политических субъектов, поскольку старые нормы претерпевают стремительные изменения, а новые модели оценки и поведения еще не получили законодательного выражения, не были осмыслены и интегрированы в общественное сознание и структуру личности. А, с другой стороны, учитывая политический контекст проблемы девиаций, можно сказать, что девиации выступают эпифеноменами процесса осуществления власти со стороны влиятельных групп, прежде всего политических элит, которые обладают исключительным правом устанавливать границы нормы и патологии и маркировать конкретное проявление как девиантное. В этой связи актуализируется проблема «а судьи кто?», то есть проблема качества политических управляющих элит. Если сами они подвержены трансформации и девиациям, то создается своеобразный замкнутый круг, в котором выносить вердикт о соответствии социально-политического феномена норме или патологии должны социально-политические акторы, подверженные девиациям и соблазнам пристрастных оценок в собственных интересах. Соответственно без развитых, эффективно функционирующих механизмов контроля политической элиты со стороны гражданского общества, четких представлений в обществе о достаточных основаниях принадлежности к элите на уровне общественного сознания, закрепленных на законодательном уровне и отработанных на практике механизмов противодействия злоупотреблениям властью со стороны действующих политических элит, а также внутренних механизмов элитной

ротации, поддерживающих ее обновление и препятствующих узурпации власти невозможно предотвратить девиацию и деградацию властных элит.

Ключевые слова: элита, девиации, государство-локальная цивилизация, культурно-цивилизационная матрица, традиционные ценности, публичные ценности, элитогенез.

В настоящее время, в связи с реализацией концепции консервативной модернизации и позиционированием России на высшем государственном уровне в качестве государства-локальной цивилизации евразийского типа [11; 12], значимость лидерско-элитной составляющей и необходимость своевременной теоретико-методологической и мониторинговой поддержки российского элитогенеза многократно возрастает. Особенно это актуально в связи с изменением цивилизационного контекста после 2014 года, когда конфликт с коллективным Западом и его агрессивная политика потребовала от российских элит качественно новых параметров, связанных с их способностью отстаивать интересы страны и осуществлять стратегические проекты суверенного развития, опираясь на единство российской истории и культуры, традиционные и актуальные публичные ценности.

Современная ситуация на международной арене меняется стремительно и радикально, вызывая соответствующие изменения во внутренней и внешней политики стран и политических альянсов. Верно и обратное – отдельные стратегические инициативы крупных политических игроков, в число которых безусловно входит и Россия, инициируют существенные преобразования по всему социально-гуманитарному полю. Одним из таких трендов современности можно считать выстраивание нового мирового порядка на основе принципов многополярности и равного партнерства между странами, исключающего безальтернативную гегемонию коллективного Запада и экспансию западных моделей развития и управления на базе демократического транзита по западным образцам.

Обозначенные процессы сопровождаются поиском альтернативных путей развития политическими элитами и трансформациями общественного сознания в направлении формирования общегражданской идентичности, опирающейся прежде всего на аутентичные традиции власти и цивилизационные матрицы, фундирующие эффективность инновационных процессов и политической модернизации, достижение консенсуса между обществом и властью по вопросам внешней и внутренней политики и т.д.

Поиски эффективных моделей управления и развития с учетом культурно-цивилизационного кода России и тренд на сохранение и защиту традиционных для России ценностей отражается в основных документах стратегического развития, главными из которых являются Концепция национальной безопасности, законодательные основы культурной политики, ряд указов и мер по сохранению традиционных ценностей [12; 13]. Анализ указанных документов демонстрирует тесную взаимосвязь между процессами суверенизации России и сохранением, защитой культурных и политических традиций, которые

поддерживаются на уровне общественного сознания и культурно-цивилизационной матрицы.

В свою очередь на уровне общественного сознания, как показывают социологические исследования, политические инициативы верховной власти находят понимание и поддержку в случае, если они не противоречат народному запросу на благосостояние и процветание России, традиционному менталитету и приоритетным традиционным ценностям. Так, например, актуальный мониторинг общественного мнения показывает, что политические инициативы власти, направленные на поддержку семьи, межпоколенческую преемственность, выстраивание социального государства, укрепление позиций России на международной арене и т.д., которые отражаются на практике, например в Национальных проектах [5; 6], в проведение курса на суверенизацию посредством развития отечественных передовых технологий, укрепление международного влияния России и т.д., общественно одобряемы, несмотря на определенные социальные издержки, которые несет население в результате проводимых нововведений власти [6]. Вместе с тем, опыт последних десятилетий, на протяжении которых Россия была ориентирована на западные демократические свободы и образцы управления, в общественном сознании воспринимался как своеобразное отступничество и предательство политической власти идеалов российского общества, геноцид и т.д.

Таким образом, современный консенсус общества и власти базируется во многом на единстве культурно-цивилизационных ориентаций и стратегических перспектив, что дает власти кредит доверия на ближайшую перспективу, который важно оправдать на практике. Очевидно, что решить данную задачу невозможно без привнесения морально-нравственной проблематики в политику, а также без политико-административных элит, которые должны соответствовать по своим ценностно-целевым установкам и профессиональным качествам заявленным стратегическим приоритетам. Вместе с тем, следует отметить, что интенсификация и ускорение социального времени и трансформация политического контекста не всегда адекватно и своевременно отражается в рамках социально-гуманитарных наук. Теоретико-методологические и прикладные исследования в этой ситуации отстают не только по причине необходимости накопления эмпирических данных для анализа, но и в силу неразвитости теоретико-методологического аппарата, который изменяется значительно медленнее, чем социально-политический контекст и накапливает определенный багаж теорий прошлого, который как правило требует актуальной ревизии с учетом новых феноменов. Соответственно, возникает необходимость пересмотра таких ключевых понятий политологии как «элита», «лидер», «девиации», «политическое управление», «политическая культура», «политическая идентичность» и т.д.

Исходя их критериев научной рациональности и методологической строгости в рамках социально-гуманитарного знания, следует прежде всего обратиться к термину «элита» и его проблематизации. С одной стороны, его этимология,

связывающая представление об элите с феноменами эксклюзивного выдающегося высокого качества, ориентирует нас на понимание политической элиты как выдающихся представителей своего народа, по праву занимающих лидерские позиции в руководстве страной и наделенных легитимной властью. В данном смысле аксиологическая интерпретация понятия элиты превалирует над его структурно-функциональной интерпретацией, связанной с положением в структуре власти, наделенностью должностными полномочиями и ресурсами для ее осуществления и т.д. Соответственно отклонение от указанной высокой нормы, девиация представителей элиты выступает маркером деградации, на основании которого такие представители перестают считаться элитой и обязаны покинуть властные позиции в государстве и обществе. Это выступает прямым следствием потери морального авторитета, утраты выдающихся качеств и других атрибутов принадлежности к элите. В проекции на политические процессы это означает, что представители политической элиты должны оставить свои властные позиции на основании добровольной отставки, а также в результате осуществления выбора народа в процессе реализации электорального права граждан на политическую элиту, соответствующую выше обозначенным критериям морально-нравственного и профессионального превосходства.

Вместе с тем, в плоскости практического применения данная интерпретация термина «политическая элита» вступает в противоречие как с реалиями политического развития, так и с интенциями политической власти к ее сохранению и преумножению, которые, как известно, характерны для любой политической элиты как правящего класса. Ситуация усугубляется еще и тем, что политико-административная элита располагает значительным административным ресурсом, что делает ее сильным игроком в пространстве политического рынка, наделенным преимуществами в конкурентной борьбе за голоса избирателей.

В теоретической плоскости эта проблематика достаточно полно раскрыта в теориях «макиавеллизма», которые разводят сферы политики и морали на том основании, что следование моральным добродетелям возможно на уровне личности и семьи, но эта практика неадекватна задачам политической борьбы и управления. Соответственно идеальный правитель опирается на такие качества как хитрость и жестокость, умение навязывать свою политическую волю оппонентам, использовать слабости человеческие и пороки (например, алчность, животные инстинкты и т.д.), а не рассчитывать на добровольное соблюдение моральных заповедей и предписаний культуры со стороны народа и оппонентов [3]. Обозначенная традиция «макиавеллизма» приводит к расхожему выражению о том, что в политике нет морали, а также к пониманию элиты в качестве людей, для которых цель удержания и преумножения власти оправдывает все средства и не подкрепляется соображениями высокой морали в управлении государством.

Означает ли это, что у понятия «политическая элита» нет соответствующих моральных коннотаций, и ее вырождение также неизбежно как неизменно стремление элиты к удержанию и преумножению власти? Соответственно

возникает так же вопрос, действительно ли в современном мире происходит аксиологический поворот в политике и как он возможен, если власть меньшинства всегда сопровождается эксплуатацией большинства, а само управляющее меньшинство – элита – подвержено постоянным девиациям и деградации?

Поиск ответов на обозначенные вопросы возможен, как нам представляется, на междисциплинарном уровне, поскольку в политическом управлении и практике элитогенеза социальная и персональная психология, а также технико-технологические аспекты современной политики, сопровождающие трансформации механизмов осуществления власти и демократизации процессов политического управления, тесно взаимосвязаны. Важно подчеркнуть, что термин «политическая элита» в рамках социально-гуманитарного знания не имеет однозначной трактовки и нуждается в уточнении в контексте реалий современности, с учетом достижений психологических, социальных и политических наук, а также уровня развития социальных и политических технологий, процессов виртуализации социума и дифференциации, полиархизации структуры власти.

В политических науках обозначенная проблемная ситуация во многом решается благодаря введению в научный оборот таких дополняющих представление об элитах терминов как «псевдо-элита», «квази-элита» и т.д. Так, например, А.В. Дука, подытоживая современные представления о политических элитах, обращает внимание на тот факт, что этимологически, в переводах с французского, понятие элиты предполагает некую избранность, превосходство и высокое качество. И вместе с тем, в политике эти смыслы трансформируются под влиянием борьбы за власть и необходимости концентрации и управления значительными ресурсами для ее осуществления [2].

В русскоязычном сегменте социально-политических наук определение элиты так же наследует противоречие между институциональными, статусными позициями правящего класса и морально-нравственными позициями, статусом, признаваемыми обществом в качестве выдающихся образцов для подражания, гордости и т.д. Соответственно нередко разделение на политическую и культурную элиту выступает отражением указанного противоречия. Вместе с тем, в идеале, политическая элита обязана быть культурной, выступать образцовыми носителями культуры активного гражданского участия, традиционных для страны ценностей и т.д. А культурно-социальная элита должна быть ведущим актором процессов политического управления страной, в рамках возможностей совещательной демократии, электронного правительства, гражданских инициатив и т.д. Однако, как известно, этот идеал не соответствует реальной социально-политической практике.

Следует так же отметить, что семантический генезис понятия «элита» в России практически выводит класс чиновников за пределы морально-нравственной интерпретации термина, поскольку согласно опросам общественного мнения, образ чиновника скорее отрицательный и ассоциируется с волокитой, проволочками, бумаготворчеством, косностью и коррупцией. Это отражается так же и на рейтингах престижа и востребованности профессий. Так: «нисходящий

тренд, кроме юристов и экономистов, характерен также для работников банковской сферы (банкиры, финансисты): если в 2006 г. престижными их называли 10%, то сегодня – только 3%. Это же касается государственных служащих (2006 г. – 7%, 2023 г. – 2%)» [8].

Вместе с тем, в российском обществе благосклонно относятся к фигурам государственного масштаба, политическим лидерам, образ которых нередко идеализируется и приводит к своеобразному «культу личности», и как следствие, к персоналистскому режиму власти. Соцопрос на тему героев прошлого и настоящего выявил, что «по мнению граждан, современную Россию символизируют преимущественно государственные деятели» [1].

Согласно данным ВЦИОМ «За последние два с половиной года укрепился образ Владимира Путина как гаранта стабильности и развития страны, имеющего продуманную экономическую программу и лучше всех других политиков способных руководить страной» [7]. Уровень доверия к общенациональному верховному лидеру составляет более 80%: «Владимиру Путину доверяют 81,1% опрошенных россиян, одобряют его работу на посту Президента РФ 78,7%» [9]. Здесь наблюдается корреляция между статусной структурно-функциональной составляющей образа Президента как представителя политической элиты и морально-нравственной. Так, «чаще всего Владимир Путин видится россиянам спокойным (90% vs. 5% нервным), волевым, решительным (90% vs. 5% безвольным, нерешительным), активным, энергичным (89% vs. 5% пассивным, безынициативным) и мудрым (81% vs. 10% немудрым). Возможно, именно поэтому большинство опрошенных считают, что В. Путин лучше других политиков подходит на должность главы нашего государства» [7].

Соответственно, актуальной проблемой политической модернизации в России является не только повышение организационно-технического качества политических элит и их профессиональных компетенций, но и морально-нравственная легитимация образа политико-административных элит в общественном сознании, поскольку от этого во многом зависит консенсус общества и власти, уровень электоральной поддержки, который позволяет стране эффективно двигаться в направлении стратегических перспектив.

Немаловажно при этом, что россияне значительно меньше доверяют и ниже оценивают деятельность государственных институтов, чем деятельность их лидеров [9]. Отсюда следует, что:

- в современной России повышена значимость лидерско-элитной составляющей политических процессов;
- принадлежность к элите оценивается гражданами не только по институциональным и функциональным критериям, но и, что более важно, по критериям морально-нравственным, о чем свидетельствуют рейтинги доверия к отдельным лидерам и институтам власти;
- персональный рейтинг политиков соотносим с их образом, морально-нравственными и профессиональными качествами;

- необходимо выравнивать баланс между персоналистическими традициями власти и ее институциональной составляющей. Соответственно необходимо повышать качество политико-административных элит, в том числе ценностно-рациональную составляющую их деятельности;

- необходимо выявлять и совершенствовать механизмы, препятствующие девиации политико-административных и в целом политических элит с целью повышения рейтингов доверия и уровня легитимации власти в современной России.

Следует отметить, что административно-политическая элита в положительном смысле выступает гарантом стабильности функциональности системы государственного управления, что особенно важно в переходные и кризисные эпохи. Вместе с тем, в отрицательном аспекте административно-политическая элита наиболее подвержена девиациям, поскольку вместе с должностью чиновники обретают и определенные привилегии, вынуждены противостоять искушению использовать административный ресурс и власть в личных и корпоративных интересах, а не в интересах большинства населения.

Здесь следует терминологически обозначить используемое представление о девиации в корреляции с понятием «элита». С одной стороны, политическая элита, это объективно существующий класс управленцев, который представлен на разных уровнях власти в качестве управляющего меньшинства, наделенного определенными ресурсами и полномочиями для осуществления власти, выработки и реализации стратегических политических инициатив, законотворческой, идеологической и т.д. миссией. Занимаемые ключевые позиции в государстве обозначают и закрепляют в этом смысле принадлежность к элите. А, с другой стороны, элита характеризуется, как уже было указано, самосознанием, а точнее выразиться, самоосознанием себя в качестве элиты. В данном аспекте этот процесс становления самосознания элиты сопровождается как позитивными трансформациями, связанными с выработкой и достижением критериев выдающего профессионализма, морально-нравственных и т.д. качеств, так и процессами обособления управляющего меньшинства от управляемого большинства. В последнем случае это выражается в стремлении элиты наращивать физическую и психологическую дистанцию, подчеркивать признаки принадлежности к элите посредством имиджа и высокого уровня потребления, общения исключительно с людьми своего круга на закрытой территории и т.д. Соответственно самозамкнутость элиты, стремление к поддержанию собственного исключительного статуса и т.д. подготавливает условия для ценностных и поведенческих девиаций.

Следует отметить, что под девиацией мы традиционно понимаем, характерное для гуманитарного знания представление о девиации как об отклонении от нормы (аномальности, аномальности, асимметрии, иррегулярности, исключения и т.д.), с той оговоркой, что политическая норма и патология интерпретируется в современных политических науках в зависимости от доминирующей парадигмы «макиавеллизма» или «морального поворота в политике». И несмотря

на то, что фиксировать моральный поворот в политике в глобальном масштабе преждевременно, очевидно, что парадигма макиавеллизма в условиях, когда современный процесс государствообразования и суверенизации происходит на платформе культурно-цивилизационной идентичности стран и регионов, а гражданская общественность выражает запрос на элиту, соответствующую традиционному морально-нравственному коду, подконтрольную ценностям всеобщего блага, социального справедливого государства, а не только корпоративной выгоде и личному процветанию ее представителей, уступает свои позиции в политике и социально-политических теориях.

Опираясь на достижения социально-гуманитарных наук и междисциплинарный подход к исследованию девиаций, следует отметить, что отклонение от господствующей нормы как правило интерпретируется негативно, поэтому речь идет как правило о негативных девиациях – асоциальном поведении, о нарушении предписаний культуры и правил, неправомерном использовании ресурсов, статуса, должностных полномочий в политике и т.д. Вместе с тем, в психологии и социологии существует представление о так называемых позитивных девиациях, которые выступают не только эпифеноменом социально-политических и личностных трансформаций, следствием изменчивости жизни и системы ее нормирования, но и способности человека к инновационному развитию, креативности, реализации своих выдающихся элитарных качеств. В этом смысле девиации не только не являются негативными, но даже желательными в качестве отражения и подтверждения высоких стандартов личности и ориентации страны на инновационный рывок в развитии.

Таким образом, позитивные девиации – это совокупность отклонений, которые приносят в теорию и практику нечто оригинальное и конструктивное, продуктивные изменения, отклоняющиеся от нормы в направлении раскрытия положительного потенциала. На уровне личности можно говорить о позитивно-девиантной личности, которая обладает нестандартным мышлением, творческой активностью и способностями вносить позитивные изменения в интерпретацию социально-культурной, нравственной, политической нормы. В политической плоскости это понимание семантически совпадает с представлением о трансформационном лидере, способном на видение и реализацию стратегических приоритетов на базе интеграции политических акторов и единой ценностно-целевой платформы. При этом согласимся, что для формирования позитивных девиаций, необходимы не только врожденная одаренность и выдающиеся способности, соответствующая мотивация к самоактуализации и творчеству, но и социальная возможность реализовать свой личностный и социально-политический проект [10].

На уровне социума, культуры, политики можно говорить, как нам представляется, о позитивно-девиантных элитах, предварительное рабочее определение которых семантически совпадает с представлением об элитах, наделенных способностями и возможностями управлять обществом, руководствуясь принципами общего блага и инновационной эффективности, а не только действующих

в рамках парадигмы макиавеллизма и ограниченности видения долгосрочных перспектив. Здесь важно акцентировать, что нововведения неизбежно сопровождаются отклонениями от существующей на данном этапе нормы и могут носить как отрицательный деструктивный, так и положительный конструктивный характер.

Тем не менее, следует отметить, что в рамках социальных и политических наук ценным является понимание феномена девиации не на основании медицинской модели, когда она рассматривается как органическая или психическая болезнь, а в контексте темы общества и власти. Согласно г. Беккеру, границы нормы и девиации задают наиболее влиятельные социальные группы. «Данная концепция г. Беккера получила название теории стигматизации (наклеивания ярлыков), т.к. она объясняет девиантное поведение способностью влиятельных групп ставить клеймо «девиантов» членам менее влиятельных групп» [4. С. 62].

С учетом последнего замечания можно сделать вывод, что, с одной стороны, в условиях трансформации общества, своеобразных точках турбулентности и бифуркации активизируются процессы девиации основных социально-политических субъектов, поскольку старые нормы претерпевают стремительные изменения, а новые модели оценки и поведения еще не получили законодательного выражения, не были осмыслены и интегрированы в общественное сознание и структуру личности. А, с другой стороны, учитывая политический контекст проблемы девиаций, можно сказать, что девиации выступают эпифеноменами процесса осуществления власти со стороны влиятельных групп, прежде всего политических элит, которые обладают исключительным правом устанавливать границы нормы и патологии и маркировать конкретное проявление как девиантное. В этой связи актуализируется проблема «а судьи кто?», то есть проблема качества политических управляющих элит. Если сами они подвержены трансформации и девиациям, то создается своеобразный замкнутый круг, в котором выносить вердикт о соответствии социально-политического феномена норме или патологии должны социально-политические акторы, подверженные девиациям и соблазнам пристрастных оценок в собственных интересах.

Соответственно без развитых, эффективно функционирующих механизмов контроля политической элиты со стороны гражданского общества, четких представлений в обществе о достаточных основаниях принадлежности к элите на уровне общественного сознания, закрепленных на законодательном уровне и отработанных на практике механизмов противодействия злоупотреблениям властью со стороны действующих политических элит, а также внутренних механизмов элитной ротации, поддерживающих ее обновление и препятствующих узурпации власти невозможно предотвратить девиацию и деградацию властных элит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Герои России: вчера и сегодня // ВЦИОМ. Новости // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja>.

2. **Дука А.В.** «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). EDN KDYFWZ.
3. **Макиавелли Н.** Государь: Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. М., 1996.
4. **Мартыненко С.В., Каропова С.Г.** Генезис девиантного поведения личности в условиях социокультурных трансформаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3.
5. Национальные проекты: мониторинг // ВЦИОМ. Новости // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-monitoring>.
6. О национальной гордости великороссов-2024 // ВЦИОМ. Новости. 04 июня 2024 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024>.
7. Президент Путин: оценки и отношение граждан // ВЦИОМ. Новости // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezident-putin-ocenki-i-otnoshenie-grazhdan>.
8. Профессии в России: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ. Новости // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost>.
9. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. Новости // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-31052024>.
10. **Снимщикова Э.В.** Социализация и позитивные девиации личности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1.
11. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности РФ». № 400 от 02.07.2021.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
13. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

K.V. STEPANOV

Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure and
Criminology, Southern Federal University Southern Federal
University, Rostov-on-Don, Russia

NEGATIVE-DEVIANT AND POSITIVE-DEVIANT POLITICAL ELITES AS EPIPHENOMENA OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article problematizes the concept of «elite» in the context of the paradigm of «Machiavellianism» and «moral turn in politics», the concepts of negative and positive deviations. It is proved that, on the one hand, in the conditions of transformation of society, peculiar points of turbulence and bifurcation, the processes of deviation of the main socio-political subjects are activated, since the old norms undergo rapid changes, and new models of assessment and behavior have not yet received legislative expression, have not been comprehended and integrated into the public consciousness and personality structure. And, on the other hand, given the political context of the problem of deviations, we can say that deviations act as epiphenomenes of the process of exercising power by influential groups, primarily political elites, who have the exclusive right to set the boundaries of norm and pathology and label a specific manifestation as deviant.

In this regard, the problem of «who are the judges?» is being actualized, that is, the problem of the quality of political governing elites. If they themselves are subject to transformation and deviations, then a kind of vicious circle is created in which socio-political actors who are subject to deviations and the temptations of biased assessments in their own interests should make a verdict on the conformity of a socio-political phenomenon to a norm or pathology. Accordingly, without developed, effectively functioning mechanisms of control of the political elite by civil society, clear ideas in society about sufficient grounds for belonging to the elite at the level of public consciousness, mechanisms fixed at the legislative level and worked out in practice to counter abuse of power by existing political elites, as well as internal mechanisms of elite rotation, supporting its renewal and preventing The usurpation of power cannot be prevented by the deviation and degradation of the ruling elites.

Key words: elite, deviations, state-local civilization, cultural and civilizational matrix, traditional values, public values, elitogenesis.